

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА ИЗ ЦИКЛА «СКУКИ РАДИ»

АЛЬПИЙСКИЕ ВИДЫ.— ЖЕНЕВА

Публикация В. П у т и н ц е в а

В 1868—1869 гг. в петербургской еженедельной газете «Неделя» за подписью «И. Нионский» была напечатана серия очерков под названием «Скуки ради». Очерки возбудили большой интерес. А. П. Пятковский, в то время — ближайший сотрудник «Недели», ее фактический редактор, вспоминал: «Характерный герценовский стиль до такой степени бросался в глаза, что вскоре после напечатания в редакцию стали приходить письма с вопросом: „каким образом А. И. Герцен очутился сотрудником русского журнала?“» (А. П я т к о в с к и й. Две встречи с А. И. Герценом.— «Наблюдатель», 1900, № 2, стр. 307).

Сотрудничать в «Неделе» Герцена пригласил тот же Пятковский во время встречи весной 1868 г. в швейцарском городке Нионе (отсюда избранный писателем псевдоним).

Возможность печататься на страницах легального русского органа живо заинтересовала Герцена. Он тщательно продумывает характер своего выступления в русском журнале.

В письмах к Огареву этой поры постоянно встречаются упоминания о «статьке для Пят<ковского>» (XXI, 101): «Ломаю голову, что бы послать поскорее Пят<ковскому> — не знаю еще» (XXI, 108); «Попробую послать самую легкую статейку Пят<ковскому>» (XXI, 138), и т. д. Разумеется, в подцензурной статье Герцен не мог касаться вопросов русской действительности. Так возник замысел очерков из жизни буржуазно-мещанских кругов Франции эпохи второй империи и других западноевропейских стран.

В октябре 1868 г. Герцен послал в Петербург первые пять главок «Скуки ради».

Они были опубликованы в № 48 «Недели» (номер вышел в середине ноября). «Вот тебе новость, — писал Герцен сыну 31 января 1869 г., — статья моя под заглавием „Скуки ради“, и притом очень радикальная, напечатана в петерб<ургском> журнале „Неделя“ с подписью „Нионский“ и почти без малейшей перемены. Я послал тотчас другую половину» (XXI, 279). Продолжение «Скуки ради» появилось в №№ 10 и 16 газеты за 1869 г. (главки VI—XI). Герцен по этому поводу писал Огареву 17 марта 1869 г.: «Вчера, наконец, я получил „Неделю“ в 10 листов — вторая часть моей статьи, с опечатками, но без малейшего выпуска <...> весь Петерб<ург> читает» (XXI, 328). А 2 мая сообщал сыну: «Вчера получил 16 № „Недели“; там третья статья моя „Скуки ради“, — забавна» (XXI, 371).

Цикл «Скуки ради» отнюдь не представлялся Герцену законченным; напротив, он строил широкие планы дальнейшего продолжения своей «недельной» болтовни» (XXI, 320).

Избранная им очерковая форма давала для этого большие возможности.

После получения «Недели» со «второй частью» Герцен 26 марта писал сыну: «...будут еще *четыре* мои статьи» (XXI, 346). На следующий день он извещал его же:

«...написал еще одну злую штуку в 4-ое продолжение „Скуки ради“» (XXI, 347). Это четвертое «продолжение» было послано в редакцию «Недели». Об этом свидетельствует письмо Герцена к Огареву от 2 мая 1869 г., в котором сказано: «Вчера получил „Неделю“ 16 № с *третьей* статьей. Несколько строк выпущено, но и то, что есть, с казенным черчиком. Ergo, печатать можно; у них есть еще 4-ая, да у меня готовы 5 и 6-ая, а когда ты отдашь письмо о Бакун<ине> (или статью), будет и 7» (XXI, 374). Таким образом, Герцен предполагал напечатать в «Неделе» даже письма «К старому товарищу», первоначальный вариант которых («Между старичками») находился в то время у Огарева.

Неожиданно планы Герцена рухнули: в мае распоряжением министра внутренних дел «Неделе» было объявлено третье предостережение, и газета была приостановлена на шесть месяцев. Быть может, свою роль в этом сыграли и очерки «Нионского». Во всяком случае, Герцен еще 27 февраля писал Огареву: «...получил письмо от Марка Вовчка: опять о корреспонденции в „Неделю“. Много шумят, как бы не наварили каши. Вероятно, весь Петерб<ург> знает» (XXI, 308).

Не было напечатано даже окончание очерка «Альпийские виды.— Женева» (это должна была быть XII глава «Скуки ради»). Как известно, основой очерка послужила Герцену его рукопись 1867 г., написанная на французском языке и состоявшая из *трех* глав. Первые две главы этой французской рукописи в переработанном виде и составили текст очерка, опубликованный в «Неделе» (главы X и XI «Скуки ради»); третья глава была впервые напечатана, во французском подлиннике и в русском переводе, лишь в издавнии М. К. Лемке. Между тем, в письмах Герцена имеется указание на его работу над *русским* текстом третьей главы. «Что касается до статьи о Женеве,— писал он Огареву 2 марта 1869 г.,— она очень изменена. Фази будет доволен, а остальные проклянут, но, по счастью, никто не узнает» (XXI, 310; говоря, что о статье «никто не узнает», Герцен, разумеется, имел в виду возможность ее публикации в России). Сохранился автограф начала русской редакции третьей главы очерка, опубликованный Лемке в комментариях к французскому тексту главы (XIV, 865—867); в рукописи Герцен прямо обозначает эту часть XII главой «Скуки ради». Однако решение вопроса о том, была ли работа над русским текстом очерка закончена Герценом, до сих пор представлялось затруднительным, поскольку рукопись обрывалась на середине фразы «С этих пор, т. е. с начала шестидесятых годов...».

В настоящее время в «пражской коллекции» обнаружена вторая половина *той же рукописи*. Таким образом, мы имеем теперь полный, законченный русский текст последней главы и, следовательно, текст всего очерка «Альпийские виды.— Женева», две начальные главы которого были опубликованы свыше 80 лет назад. Есть все основания предполагать, что настоящая глава тоже была послана Герценом в редакцию «Недели»— либо вместе с первыми двумя главами, либо как «4-ое продолжение» «Скуки ради», но в силу сложившихся обстоятельств не увидела света (см. об этом ниже, в наст. томе).

В заключение необходимо остановиться на вопросе о месте очерка «Альпийские виды.— Женева» в изданиях сочинений Герцена. Вопреки точным и определенным указаниям самого Герцена, что очерк принадлежит к циклу «Скуки ради», редакторы последних изданий «Былого и дум», начиная с М. К. Лемке, произвольно включали текст очерка в состав последней части мемуаров — на том основании, что по своему содержанию очерк примыкает к «путевому дневнику» заключительных глав «Былого и дум». Больше того, публикуя в «Избранных произведениях» Герцена («Московский рабочий», 1949) цикл «Скуки ради», И. С. Нович опустил последние главы (X—XI), так как они, по его мнению, «относятся не к группе очерков „Скуки ради“, а к 8-й части „Былого и дум“<...>, где они обычно и печатаются» (стр. 516). Эту установившуюся традицию следует решительно отвергнуть, поскольку она явно нарушает замысел и авторскую волю писателя. Нет никаких данных для того, чтобы утверждать, что французский вариант очерка 1867 г. создавался как глава «Былого и дум», тем более нельзя предположить этого относительно последней, русской редакции текста. И не случайно Герцен упоминает в очерке о «моем уехавшем докторе», т. е. о центральном персонаже остальных глав цикла «Скуки ради».

СКУКИ РАДИ

XII

Знаменитый граф Остерман-Толстой, сердясь на двор и царя, жил последние годы свои в Женеве, — аристократ по всему, он не был большой охотник до женевских патрициев и олигархов. — Ну, помилуйте, сударь мой, — говорил он мне в 1849, — какая же это аристократия — будто делать часы и ловить форель несколько поколений больше, чем сосед, дает *des titres**; и *origine*** богатства какой — один торговал контрабандой, другой был дантистом при принцессе...

— Вы забываете, граф, — отвечал я ему, — что женевские аристократы имеют и другие права. Разве они не находились в бегах и разве не возвратились во-свои — отчасти благодаря вам, сопровождаемые казаками и кроатами, как другие венценосцы и великие имена...

Блудные племянники точно так, как кул(ь)мский герой, понимали значение *высокого* патрициата женевского, и в особенности так понимал блуднейший из них *Джемс Фази*.

Джемс Фази — это смертная кара женевского патрициата, ее мұка перед гробом, ее позорный столб, палач, прозектор и гробокопатель. Кровь от крови их, плоть от их плоти, потомок одной из старинных фамилий, о боге скучавших с Кал(ь)вином, — и у него-то поднялись руки на беззащитные, но не бессребренные седины. Он «дядей отчества», выбранных собственными батраками и кортомниками в верховный совет, прогнал в 1846 году в три шеи и сам себя выбрал на их место, вверяя себе почти диктаторскую власть. Сен-Жерве и вся бедная Женева с восторгом рукоплескали ему.

От него старики спрятались этажом выше и повесили к дверям по замку больше, от него они отупели еще на степень, мозги стали быстрее размягчаться, а сердца каменеть. Умных людей между ними больше не было. Вообще, Джемс Фази чуть ли не последний умный человек в Женеве. Глупое озлобление, с которым они повели войну, было худшее оружие с таким врагом.

Фази похож на хищную птицу, и теперь, состарившись и сгорбившись, он напоминает еще исхудалого копчика — и злым клювом и пронизывающим взглядом, и теперь он еще полон проектов и деятельности, кипучей отваги, готовности рисковать, бросать перчатку и поднимать две, он всё еще задорен и дерзок, он всё еще молод, а ему семьдесят два года — подумайте, что он был в пятьдесят.

Ему всё пло впрок, больше всего — недостатки и пороки. Среди удашающей скуки женевской жизни с ее протестантски-монашескими, постыжными лидемерами, его разгульное спутя рукава, его веселое беспутство, его блестящие, шипучие пороки, опрокидывавшие на него удесятеренную ненависть святош, привязывали к нему всю молодежь, с которой он жил запанибрата, нигде не позволяя себе наступить на ногу. Фази стоял головой выше своего хора и трема — своих врагов. Добавьте к этому большую сметливость в делах, верный и решительный взгляд, неутомимость в работе, настойчивость, не останавливавшуюся ни перед какими препятствиями, гнувшую и ломавшую всякую оппозицию — и вы поймете, что не женевскому патрициату было бороться с ним. Дипломат и демагог, конспиратор и комиссар полиции, президент республики и гуляка, — он всё еще находил в себе бездну лишних сил, которая разъедала его своей незанятой праздностью. Этому человеку, очевидно, недоста-

* титулы (франц.).

** источник (франц.).

вало широкой рамы, Женева была не по его росту... вытягиваться точно так же вредно, как съезживаться. Фази в Лондоне, в Нью-Йорке, в освобожденном Париже был бы великим государственным деятелем. В женеvской тесноте он испортился — привык кричать и бить кулаками по столу, беситься от возражений, привык видеть против себя и за себя людей ниже его ростом. Отсюда страсть к тратам и наживам, привычка бросать деньги и недостаток их... ажнотаж... потери... долги. Долги — наше национальное экономическое средство, наша хозяйственная уловка, именно долги-то в глазах женеvских Гарпагонов должны были уронить Фази больше, чем все семь смертных грехов вместе.

Что ему было за дело до их ненависти, пока вся Женева — небогатая, молодая, рабочая, католическая — подавала за него голос... и кулак.

ЖЕНЕВА

Раскрашенная литография, 1850-е гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

«... Женеvу я знаю с давних лет... в Женеvе все хорошо и прекрасно, умно и чисто, а живется туго... в наше серенькое время мало мест лучше в Европе, а найдешь квартиру — так и тянет куда-нибудь, лишь бы из Женеvы вон» («Скуки ради»)

Но tempora mutantur*.

Около пятнадцати лет диктаторствовал тиран Лемана над женеvскими старцами. Город удвоил, крепостные стены сломал, сады разбил, дворцы построил, мосты перекинул, игорный дом открыл и других домов не закрывал... но Кашеи бессмертные таки подсидели его. У них явился отрицательный союзник.

К борьбе Фази привык, он жил в ней и, когда не тотчас случалось ему одолеть, он раненым львом отступал в свое С.-Жерве и выходил вдвое яростнее и сильнее из своей берлоги.

С таким неприятелем, как Фази с своими молодцами, старикам-формалистам и легистам нечего было делать, как тотчас опять отступать. Они воевали парламентскими средствами и исподволь распускаемыми клеветами. А с какой стороны он хватит, как было знать. С таким неочесливым противником всего можно было ждать. Пока масса была за него, сила его была несокрушима, а переманить ее на свою сторону воспоминанием прежнего патриархального закрепощения было дело не особенно легкое. Помощь должна была явиться из среды *по ту сторону* Фази.

Время шло исподволь, меняя умы и мысли в Женеvе, как и на всех точках земного шара, где история еще делается... Опираясь на свою живую стену, Фази, наконец, почувствовал, что стена холоднее... что она не так плотна и не так сплотно поддерживает его... Он годы старался не верить, но вот там... тут ропот — или хуже — равнодушие. И уязвленный своими, гладиатор-вождь обернулся назад с раздраженным лицом...

* времена меняются (лат.).

«Кто бунтует против прежнего агитатора? Неужели он?..». Укоряющая, печальная тень Ал(ь)берта Галера сумрачно начала головой и указывала с упреком на работников, как будто говоря — «они не твои больше». Галер был суровый проповедник, Фази боялся его социальных идей и гнал его... гнал до гробовой доски, — в могиле он вырос и окреп. Теперь наступило утро его дня, солнце Фази садилось.

Старый боец не оробел, он снова ринулся вперед, но силы бить на две стороны не хватило, и он бил зря. Нанося удары консерваторам, он в то же время хотел левой рукой держать за горло «гидру» социализма — на таком противуестественном раздвоении нельзя надолго удержаться.

Действительно, Швейцария, Женева — микрокосмы. Разве в моем беглом рассказе не вся современная драма человеческого развития с 1789 г. до нынешнего дня? Не все ее действующие элементы?

Радикальная партия раскололась на две партии — без всякого повода. Одна часть бросила старого вождя, другая несла его с криком на прежних пьедесталах. Земля терялась под их ногами, и озлобление росло. Возле огороженного поля для травли ходили безучастные работники, — у старых племянников явились свои племянники. Новый бой не имел для них смысла, они не верили ни тем, ни другим. Оставленные противники вцепились друг другу в волосы. С этих пор, т. е. с начала шестидесятих годов, || озлобление борющихся партий приняло форму периодического членовредительства. Женевцы пользуются каждым общественным делом, чтоб *почистить друг другу предместья*. *Labourer les faubourgs* — гениальное женеvское выражение, не уступающее гоголевскому «съездить под никитки». После каждых выборов победители и побежденные ходят татуированные, как ирокезы; у кого синий глаз, у кого сеадина на лбу, у кого нос отделан под грушу. Столько мышечного усердия и фонарей ни одна страна не приносит на алтарь отечества — как цивическая весь Кальвина.

Нигде в мире не занимаются с такой рьяностью и так часто выборами, как в Женеве; месяцы прежде — только об них и говорят, месяцы после — только об них и спорят. Отчасти это происходит от чрезвычайной важности, которую женеvцы им придают. Консерваторы и радикалы, не согласные ни в чем, согласны в огромном значении Женевы в всемирном хозяйстве и развитии. Для одних это Рим «очищенного протестантизма», для других — исправляющий должность Парижа во время его тяжелой умственной болезни и горькой доли. Женевцы уверены, что как весь мир, чтоб знать время, смотрит на женеvские часы, так все политические партии смотрят на них самих. Как же им не заниматься после этого — денно и ночью — выборами; они выбирают некоторым образом не только за кантон, но и за вселенную.

...Запершись на ключ и спустивши шторы, конспирируют на тощий желудок консерваторы в пользу старого порядка вещей, соображая подкупы подешевле и даровые влияния — в виду будущей подачи голосов. Конспирируют и радикалы, заперши свою дверь тоже на ключ, но не с внутренней стороны, а снаружи; *la démocratie permanente et militante* * конспирирует не натошак, а на абсент и кирш — она шумит вдушных кофейнях, самоотверженно морщась от невозможного пива, и не смея заикнуться об этом, потому что хозяин — не только радикал, а голос, власть и центр.

В сущности, всё это делается бескорыстно. Ни «*ficelle*» **, ни радикалов — сущность дел не заботит, они занимаются торжеством общих мест

* непрерывно действующая и воинствующая демократия (франц.).

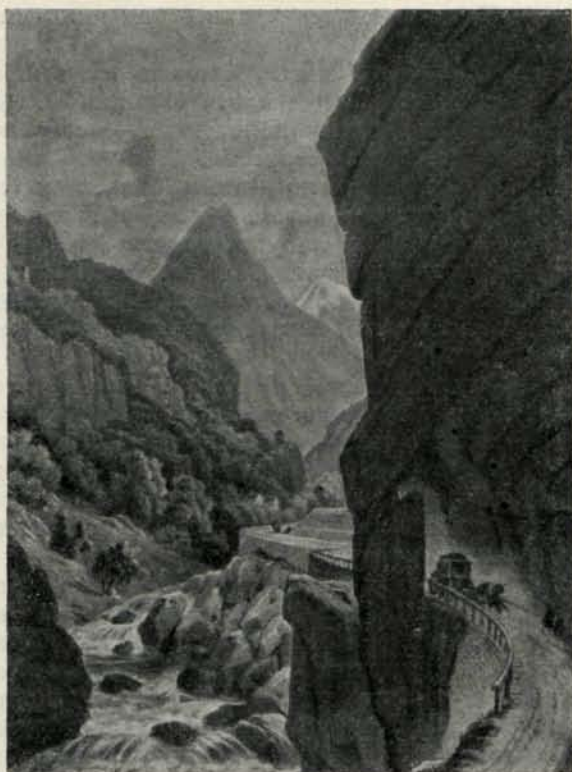
** хитрый, продувной человек, политический интриган (франц.) — здесь имеются в виду консерваторы.

ДОРОГА ЧЕРЕЗ СИМПЛОН

Раскрашенная литография, 1866 г.

Музей изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина, Москва

«Я сделал путешествие по Швейцарии через Симплон, Лугано, Сплуген, Граубинден etc» (из письма Герцена к М. К. Рейхель от 2 сентября 1865 г.)

и победой или поражением частных лиц. Остальное, т. е. вся реальность жизни, администрации—опускается как мелочь... а иногда и так, что радикалы делают консервативное дело, а консерваторы — радикальное.

Это удовлетворение политической гимнастикой подорвало старые радикальные и либеральные партии. Новые люди потеряли интерес к их препинаниям. Да и как было его не потерять?

В пятнадцать лет радикального владычества в Женеве ее законодатели не коснулись до целого ряда готически-патриархальных узаконений, пропитанных крепостничеством и неуважением к самым элементарным правам лица.

Чтоб убедиться в этом, не угодно ли взглянуть на текст «книжонок» или *permis de séjour* *, выдаваемых всем иностранцам — и в том числе швейцар(ц)ам других кантонов. Каждый «не женевец» безапелляционно отдан во власть того *часовщика*, которому на ту минуту вверен полицейский хронометр. Он может иностранца *выслать за дурное поведение*. Законодателям не пришлось даже в голову определить, что такое дурное поведение; для кальвиниста, напр(имер), ходить в католическую церковь — самое скверное поведение. Далее штрафы за проероченные дни, поборы *за житье* в Женеве — сверх всякого рода поборов за дом, мастерскую, за то и се. Вот тебе и *post tenebras lux* **!

Я указал, напр(имер), одному из старых правительственных радикалов униженный текст, который жег мне руки.

— Все это или совсем не исполняется, или *on fait semblant* ***.

* видов на жительство (франц.).

** свет после тьмы (лат.).

*** делают вид (что исполняют) (франц.).

— Что же, вы это храните как приятный сувенир — и вам это было не гадко?

— Если б вы знали, сколько мы выбросили старого хлама.

— Чего же было жалеть остальной?..

— Вы знаете наше положение — особенно какое оно было после 1848... Франция, Австрия, Пруссия.

— Это другое дело — стало быть, вам было нужно, нравилось иметь в ваших руках — знаете — такую... единую власть...

— Что же, мы злоупотребляли ей?

— Не знаю, вероятно, что да. Знаете, что вы эдак из приличия бы ввели в дело высылки суд присяжных. Если двенадцать женеvцев, которых иностранец не знает, приговорят выслать, высылайте. Все ж лучше, чем один часовщик.

— А вы думаете, что мы до вас об этом не думали?

— За чем же дело стало?

— Если б мы остались у власти...

— *Ничего бы не сделали... С 1846 было довольно времени...*

«Думали — да не отменили». О Селифан, Селифан... по крайней мере, ты сам удивлялся, что, видевши необходимость починить колесо, ты не сказал об этом!

Долею в этом холодном пренебрежении к ближнему и в этой черствой неприхотливости опять-таки следы бизы * и Кал(ь)вина. В угловатости и бесперемонности женеvца есть непременно что-то чисто архипротестантское, пережившее религию. Фази, составляющий яркое исключение, старался украсить пуританский фон... полинялыми французскими обоями с двусмысленными картинками, из-за которых все-таки так и торчат постные кости. Пасторская нетерпимость и скучные тексты заменились скучными общими местами и юридическими сентенциями... Церковь без украшений, демократия без равенства, женщины без красоты, пиво без вкуса, или, хуже, — с прескверным вкусом — всё сведено на простую несложность, которая идет человеку, пуще всего спасающему душу. Самый разврат в Женеве до того прост, до того сведен на крайне необходимое, что больше отстрашивает, чем привлекает. «Ты, мол, греши, коли надобно, но не наслаждайся, единое наслаждение там, где тело оканчивается и дух на воле».

От этого происходят удивительные контрасты. Полуповрежденная Лозанна считает театр грехом и никак не дает деньги на возобновление погорелой оперы... и все неповрежденные в ней только и мечтают о постройке нового театра. Театр затмевает воображение — отвлекает от последних новостей библии и от болтовни праздношатающихся и вольнопрактикующих пасторов. В Женеве два театра, но они до того наводнены элементом *простой* камелии и элементом *воуоу* **, что солидные мужчины и особенно женщины (не из иностранок) без крайней необходимости их не посещают.

Зато если есть какое послабление и распушение — по поводу французской близости и пены, прибываемой к ее границам, есть и полиция. Женевка любит круто распорядиться. Куда остальным кантонам, с своими допотопными жандармами, в киверах, напоминающих картины войн 1814 и баварские каски времен фельдмаршала Вреде... Стоит эдакой уважень — стоит да вдруг от скуки или как спросонья спрашивает у гуляющего: «Фо башь» *** и готов сдуру вести *au poste* ****, где ему же и достанется за это.

* северного ветра (франц. bise).

** оборванца (франц. argot).

*** Испорченное произношение франц. «vos papiers» — «ваши документы».

**** в полицейский участок (франц.).

Женевский жандарм разит Парижем, это уже отчасти *sergent de ville**, охотник своего дела. Чтoб это увидеть, не нужно въезжать в город, а достаточно приехать в женевский амбаркадер ** — с швейцарской стороны. После итальянской учтивости и простоты в других кантонах — перед вами круто раскрывается преддверие Франции — страны регламентации, администрации, надзора, опеки, предупреждения, внушения. Кондукторы и сторожа железной дороги наглазно превращаются в самодержавных приставов, вагонных тюремщиков и прежде всего в ваших личных врагов и строгих начальников, с которыми говорить и рассуждать не советую.

Франция так нахлороформизировала собою Женеву, что она и не почувствует сначала операции de l'annexion ***. Хотя и найдется меньшинство, которое наделает в желудке галльского кита хлопот не меньше Ионы... но Франция — не кит: чтo ею проглочено, то она не скоро выбросит.

Не страшно ли, что первый человек, который хотел предать Женеву французам, был сам Кальвин. Найдя, впрочем, что в случае нужды и в Женеве можно зажарить еретика Серве, он примирился с независимостью республиканской веси.

И <сканде>р.

Автограф. До знака || — ЛБ. Г. — О. I. 17; после знака || — ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 20, лл. 77—83. — Зачеркнутые варианты рукописи не представляют существенного интереса и не воспроизводятся.

* полицейский (франц.).

** железнодорожная платформа (франц.)

*** аннексии (франц.).